

ТЕСС
Ария

Навязанная жена
ПРОКУРОРА

Ария Гесс

Навязанная жена прокурора

«Литнет»

2024

Гесс А.

Навязанная жена прокурора / А. Гесс — «Литнет», 2024

— Улыбайся, пока можешь, пиявка, — шепчет он мне на ухо, больно сжимая рукой мою талию, — потому что скоро ты навсегда забудешь, как это делать. Я оказалась украденной властным прокурором и не ожидала, что будучи пешкой в борьбе за власть сильных мира сего я смогу влюбиться. И не в простого человека, а в своего похитителя. Уговорить дядю нас женить было моей самой большой ошибкой, ведь вместо клятв любви, он пообещал превратить мою жизнь в АД. Историю дяди Аси можно прочитать тут:

© Гесс А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12
8	13
9	14
10	16
11	18
12	20
13	22
14	24
15	27
16	29
17	31
18	33
19	35
20	37
21	39
22	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Пролог

Головокружение достигает пиковой точки, а тошнота медленно подкатывает к горлу от волнения.

Его взгляд, направленный на меня, не сулит ничего хорошего. Тьма, зарытая в темных омутах, не поглощает... она манит вступить в неё по собственному желанию. И я вступаю.

— Да, — отвечаю не колеблясь, глядя прямо ему в глаза. Мой идеал. Мой долгожданный жених. Глядя на его идеальный черный смокинг, модную, зачесанную наверх прическу и тело Бога Олимпа, я сглатываю, прежде чем уверенно, вкладывая всю свою любовь в эти слова, проговорить: — Я согласна стать твоей женой.

Регистратор что-то говорит на фоне, но я уже ничего не слышу, лишь ощущаю медвежью хватку на своем запястье, а после — жесткое от его бесцеремонной подачи скольжение металла по безымянному пальцу.

— Объявляю вас мужем и женой... — громыкает на фоне, и я задерживаю дыхание, чтобы подготовиться наконец к самой приятной части этого вечера.

Улыбаюсь в ответ на его хмурое выражение лица. Закатив недовольно глаза, он небрежным рывком дергает меня на себя, разворачивает от пытливых глаз собравшихся на нашу свадьбу гостей, наклоняется и... не целует.

— Улыбайся, пока можешь, пиявка, — шепчет мне на ухо, больно сжимая рукой мою талию, — потому что скоро ты навсегда забудешь, как это делать. — А потом так же резко отстраняется под громкие аплодисменты присутствующих.

Холодок пробегает по коже, слёзы предательски собираются в глазницах, и теперь уже Макс стоит довольный и улыбается.

А я, наверное, просто сумасшедшая, если радуюсь хотя бы этому.

Я знаю, каким он может быть. Я помню, каким он был когда-то со мной. И я сделаю все, чтобы вытянуть его мягкую сторону наружу. Вопрос в том, что для этого мне придётся пережить?

1

Глава 1

2 месяца назад

Ася

Делаю очередной круг по торговому центру, бегло разглядывая витринное разнообразие ширпотреба. Именно ширпотреба, потому что ничего нормального для Бесланы, своей невестки, я не нашла.

Жаль мне девушку. Красивая, богатая, статная, образованная, а оказалась в руках моего дяди. Нет, я, конечно, очень его люблю и для меня он самый близкий родственник на свете, но, зная, какой образ жизни он ведёт, мне правда ее жаль. А она ещё и с характером... Доболталась вон, и теперь из дома выходить нельзя. А у бедняжки даже одной вещички нет. Мои для неё слишком малы... В груди и бедрах.

Сопровождающие меня охранники стойко выдерживают это магазинное испытание, но только до тех пор, когда мы подходим к магазину нижнего белья.

Заметив их смущение, я прокашливаюсь, привлекая их внимание.

— Вы можете тут остаться, — хлопаю невинно ресницами, пока они оценивающе оглядывают меня с ног до головы, будто на мне где-то есть записка с правилами их дозволенного поведения. — Вы ж выход перекрываете, ну куда я денусь?

Оглянувшись и осмотрев периметр, они кивают и остаются ждать возле входа, пока я намереваюсь скупить половину магазина. Не зря же дядя столько зарабатывает.

Пестрящее красное, оранжевое и розовое кружево манят, но я стойко держусь, отдавая предпочтения чему-то классическому. Кажется, стринги тоже пусть сама... Не успеваю даже додумать мысль, как ощущаю невесомость под ногами и жесткую хватку на губах и талии. А ещё этот аромат... Пахнет чем-то мускусным, пряным. Такой вкусный, что хочется принюхаться, если бы сейчас он не принадлежал какому-то маньяку, больно стискивающему мое дрожащее от нервного напряжения тело.

— Не рыпайся, пикнешь — горло перережу, — рычит он мне на ухо, и все, что я могу сделать, это кивать как болванчик и выполнять его указания.

2

Ну почему я пошла без охраны, мамочка?!

— Что вам от меня нужно? Пустите, — шепчу мужчине, как только он отпускает меня, толкая в примерочную.

Удары сердца эхом отдаются в ушах. Неожидающее движение позади меня — и вот я уже не одна.

— Для начала чтоб рот закрыла, — басит у меня за спиной.

Поворачиваю голову и цепенею от увиденного. Свет, подсвечивающий зеркало примерочной, очерчивает его фигуру золотистым ореолом, превращая в нечто почти нереальное.

Глаза такие глубокие-голубые, но в то же время холодные. Не цвета озерной глади, а, скорее, бушующего океана. Пронзительный взгляд завораживает, заставляя уйти на глубину добровольно. Татуировка на шее, плавно уходящая вниз под водолазку, заставляет мысленно возжелать ее увидеть полностью, а аккуратно подстриженные темные волосы, выбритые у висков — отдельная страсть. Так и хочется запустить в них ладонь и узнать, какие они на ощупь. Всегда поражалась девушкам, у которых возникал «стокгольмский синдром», при котором они чувствовали симпатию к своему похитителю, но теперь, кажется, я и сама думаю как они... Не о том, что он со мной сделает, а о том, что я смущаюсь от его близкого нахождения рядом.

Мне кажется, все дело в дяде. Я привыкла, что у него есть враги. Из-за этого постоянная охрана, постоянные запреты, ведь он главный криминальный авторитет Москвы. И сейчас я только и делаю, что надеюсь на то, что стоящий напротив меня красавчик лишь его оппонент, который попросит выполнения определенных условий взамен на мою свободу.

Ну не могу я поверить, что такой мужчина может быть маньяком!

— Если будешь слушаться и сделаешь так, как я скажу, останешься в порядке. Как и те люди, что с тобой сюда пришли. Если же нет, мне придется применить силу к тебе, а их убить. Ты же не хочешь этого, правда?

Кажется, после слов «применить силу к тебе» я уже ничего не слышу. Хочется лишь сказать: «Примени». Он щелкает возле моих глаз пальцами, возвращая в реальность.

— Ты слабоумная, что ли? Взгляд какой-то... — выгибает свою бровь, и теперь я уже злиться начинаю.

— Сам же молчать сказал. Молчу.

— Я вопрос тебе задал! Через пару минут выйдешь из торгового центра, но на парковке сядешь в соседнюю машину. Она темно-синего цвета, не ошибаешься. Как хочешь уходи от охраны, это уже не моя забота. Не сможешь уйти от них, пристрелю всех до одного, — не мигая, произносит эти отвратительные вещи мужчина. Как же сильно его красота контрастирует с ужасными угрозами, вылетающими изо рта.

3

— Да как же я смогу? Они сначала меня сажают в машину, потом сами садятся.

— Придумаешь, — подмигивает мне он, а потом открывает дверцу, оглядывается и, видимо, не увидев опасности, выходит из примерочной, оставляя меня там наедине с бешено колотящимся сердцем.

Несколько минут проходит, прежде чем я могу взять себя в руки и тоже выйти. За стеклянными стенами магазина вижу сидящих на пуфах охранников. Каждому из них лет тридцать, не больше. Интересно, у них есть семьи? Конечно, ведь охранять меня — это просто их работа. Работа, из-за которой они жизнь потерять могут. А мне что могут сделать? Выпросят у дяди лояльности, и дело с концом!

Решительно ускоряя шаг, переступаю через ограду, завожу руки за спину и скидываю по пути свой золотой браслет. Звук царапнувшего покрытие пола металла разрывает слуховые рецепторы.

Господи, хоть бы они не увидели.

— Госпожа, — подпрыгивают они и идут мне навстречу.

— Обрадую вас, — пытаюсь улыбнуться, но выходит как-то пародийно нервно, — я закончила, можем ехать домой.

Они кивают, после чего всей толпой, окружив меня со всех сторон, ведут на парковку.

И как же мне, о боже, вырваться из их лап? Как, если их так много, и они все рядом?!

Цок, цок, цок.

Отстукивающие по паркету каблук словно маленький металлической молоточек, застрявший у меня в голове и совершающий синхронные удары по мозгам.

Голова разболелась.

Кажется, я перенервничала. И ведь еще даже не начала представление, а ощущение приближающегося траура уже мельтешит в воображении. Пытаюсь отогнать пессимистичные мысли, но не выходит. Я никогда не делала ничего подобного, и почему-то осознание того, что тот мужчина правда всех перестреляет, с каждой минутой становилось все крепче и крепче.

— Присаживайтесь, госпожа, — проговаривает охранник и, когда ловит мой взгляд, улыбается. Он улыбается, а в моей голове он уже лежит бездыханный... из-за меня.

Сильно зажмуриваю глаза, а потом отвожу взгляд и в нескольких шагах от себя и правда замечаю ярко-синюю BMW. Сглатываю, но от стягивающего горло першения не спасает.

Делаю шаг к машине, протягиваю руку к двери и...

4

Так реалистично возмущаюсь, как только могла бы, играй я хоть в одной театральной труппе.

— Господи, мамин браслет! — хвастаюсь за запястье, поворачиваясь к окружившей меня охране. — Пожалуйста, умоляю! Мамин золотой бросает упал, видимо! — настолько вживаюсь в роль, что от нервного напряжения даже слеза из глаза катится.

Охранники тут же что-то говорят друг другу, и несколько из них бегут назад.

— Пожалуйста, отправь больше! — обращаюсь к главному из них. — Пока они вдвоем будут осматривать там всё, его могут украсть! Пусть во всех магазинах, где я была, посмотрят, прошу!

Недолго помявшись, он все же соглашается, оставшись со мной лично.

— Госпожа, присядьте в машину, прошу вас.

— У меня голова кружится от нервов, — не вру. Чистую правду говорю. — Можно не садиться? Я похожу тут, рядом с тобой.

Он устало кивает, но от меня ни на шаг не отходит. И как же мне сбежать, при таком-то конвоире?

Идея приходит спонтанно, стоит вспомнить моего красивого похитителя.

— Знаешь, — делаю шаг в сторону синей машины, что манит своей ручкой, — в магазине нижнего белья я видела мужчину. Представляешь, мужчину! Да и выглядел он брутально. Ничего не купил и лишь на меня смотрел...

Ловлю взглядом его изменившееся выражение лица.

— Прошу вас все же сесть в машину, — начинает оглядываться он, и я делаю контрольный выстрел.

— Прошу, не делай резких движений. Я сейчас сяду в машину. Она бронебойная. А ты посмотри за во-о-он той левой колонной, — тычу пальцем в нужную сторону, — мне показалось, что за мной следят.

Резко достав пистолет, охранник нависает надо мной до тех пор, пока я не сажусь в машину, говорит по рации, чтобы охрана спускалась на парковку, а сам, захлопнув дверь, направляется в сторону колонны.

Когда он оказывается на середине пути, не жду ни секунды. Открываю дверь, бросаюсь к той BMW, что напротив, дергаю за ручку и нервно вваливаюсь внутрь. Машина мгновенно срывается, чуть не сбивая прыгнувшего на неё охранника.

А дальше все как в дешевом боевике, которые я просто ненавижу.

5

Этот сногшибательный парень в роли главного героя, несчастная похищенная героиня, которой вообще себя не ощущаю, погоня, перестрелка, ретировка в другую машину...

К вечеру, когда нам все же удастся оторваться, мы приезжаем в какой-то маленький домик в небольшой деревушке явно в сотнях километров от Москвы, судя по времени нашего пути.

— Где мы? — впервые начинаю разговор с похитителем.

— Тебя только это волнует? — ухмыляется он, обнажая свою красивую ямочку на щеке.

— Нет, ещё хотела бы узнать, кто ты, зачем я тебе, что со мной будет, но вряд ли ты ответишь на эти вопросы.

— Ответ на вопрос о том, кто я, тебе ничего не даст. С тобой ничего не будет, если будешь послушной, а вот зачем... Ты права. Пока тебе знать необязательно.

Он отвечает так спокойно, размеренно, пока идёт до двери домика. Распахнув ее, уступает мне дорогу.

Переступая через порог, слышу характерный для старых половых покрытий скрип. Разуваясь, оглядываюсь. Домик оказывается скромным, но в то же время уютным. Дерево старое, и в воздухе витает запах смолы и немного полынной свежести.

Внутри царит полумрак, и, как только мои глаза привыкают к слабому свету, я замечаю небольшой камин в углу, рядом с которым аккуратно сложены дрова.

Мужчина подходит к нему, умело кидает поленья и разжигает огонь. И это очень кстати, потому что полы слегка прохладные, даже сквозь мои носки это чувствуется.

— Замерзла? — словно читает мои мысли.

Отрицательно мотаю головой. Ни за что не признаюсь!

Но он и не переспрашивает. Просто встаёт, стягивает по пути с кресла плед и, приблизившись, накидывает мне его на плечи, заключая в кокон своих рук.

Несмело поднимаю на него глаза и в ответ лишь темноту ощущаю. Пугающую, неизведанную и такую желанную...

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Максим, — которого отвечает он и отстраняется, словно одна лишь высказанная фраза разбила это хрупкое взаимодействие взглядов.

— А меня...

6

— Я знаю, как тебя зовут, — грубо перебивает он, снова возвращаясь к камину. — Садись в кресло, — двигает его ещё ближе к камину, — а то мне даже здесь слышен стук твоих зубов.

Знал бы он, что меня колбасит далеко не от холода, а от странного влечения, стеснения и ещё кучи непонятных ощущений и чувств.

— Когда ты меня отпустишь? — протягиваю руки к играющим языкам пламени, едва присаживаюсь в кресло.

Он задумчиво хмурится, а потом холодно выдает:

— Как только твой родственник ответит за свой нехороший поступок.

Сердце в груди начинает мгновенно биться о ребра, намереваясь выпрыгнуть.

— А что... что он сделал?

— То, что я ему прощать не собираюсь. Но тебе не стоит переживать. Как только я достигну своей цели, я отпущу тебя, обещаю.

— Ты бы правда убил охранников?

— Да, нет, возможно, — издевается он, смотря на меня сквозь нахмуренные брови. — Все бы зависело от них.

— Значит, ты обманул меня?

— А тебе не говорили в детстве, что слушать незнакомых дяденек плохо, а, малыш? — ухмыляется он, показывая мне свой оскал.

— Ты... — даже не знаю, что сказать, чтобы зацепить.

— Ладно тебе, приключение переживаешь. Как давно ты вообще куда-то выбиралась?

Пытаюсь вспомнить, и на ум приходят лишь прогулки с мамой, когда я была маленькой.

— Недавно, — вру, и он тоже это понимает. Поднимаясь на ноги, подходит ближе, гладит меня по щеке, поднимая голову.

— Никогда не ври мне. Я это вижу, — говорит серьезно, сдвигая мои скулы пальцами. Не дышу, лишь смотрю на его лицо в этой неоднозначной позе.

И замираю, когда он наклоняется прямо на меня...

— Ты боишься, — проговаривает у моего лица, разглядывая его, словно доктор на осмотре.

7

Ах, если бы он знал, что дрожь иная... Совсем не та, о которой он думает.

Почему я это чувствую? Почему ощущаю это влечение? Никогда не было такого. Ни с кем. Почему мне хочется, чтобы он касался меня? А когда касается, хочется, чтобы это не прекращалось...

— Нет, — почти смело отвечаю, смотря ему в глаза.

— Тогда почему дрожишь? — ведет костяшками пальцев по щеке вниз, задевая чувствительные точки на шее и останавливаясь двумя пальцами на беснующейся венке. — И пульс зашкаливает.

Одергиваю его руку и отползаю к краю кресла, поджав под себя ноги, все ещё ощущая жжение на коже от его прикосновений.

Сердце грохочет в груди, отдавая пульсаций в голову. Хочется громко выдохнуть, но это обнажило бы мое взвинченное состояние ещё больше.

— Вставай, — говорит устало на выдохе, отворачиваясь и давая мне такую желанную сейчас свободу от его бешеной энергетики.

— Куда мы? — опасливо смотрю по сторонам и вижу лишь две двери. Одна, как понимаю, в ванную. А вторая...

— Нужно поспать, завтра мы улетаем.

— Куда? — вырывается у меня раньше, чем успеваю подумать.

Он снова оборачивается, и на этот раз с безумным холодом во взгляде.

— Куда я скажу. Ты поедешь со мной туда, куда я скажу. Поняла?

Киваю под напором властного взгляда.

— Ты не должна меня бояться, Ася, — смягчается и произносит мое имя так нежно, что мурашки по коже бегут. — Я не причиню тебе вред. Мне нужно лишь твое присутствие рядом и ничего больше.

Ещё раз киваю, пряча от него свой взгляд.

Он указывает рукой мне следовать за ним и идет к одной из дверей. Распахивая ее, первой дает пройти в комнату, но следом не идёт.

Я была права. Это спальня. Она совсем крохотная, ветхая, но в этом есть какое-то очарование. Все в бледных пастельных тонах, посреди, занимая почти все пространство, стоит по виду полутороспальная кровать, а рядом комод бежевого цвета. Слева от кровати окно с коричневой, на вид полной пыли, занавеской.

8

— Ты можешь не бояться. Будешь спать здесь, я посплю в кресле.

Его предложение кажется одновременно благородным и смешным. Не бояться его? Да у меня, кажется, близится истерика.

В очередной раз лишь киваю, но сейчас стараюсь удержать взгляд на его лице, а не опускать в пол.

— Тогда спокойной ночи, Ася.

Черты его хмурого лица немного смягчаются.

— Спокойной ночи, Макс, — отвечаю в той же выдержанный манере, а сама мысли в кучу собрать не могу.

Когда дверь за ним захлопывается, падаю на кровать, закрывая глаза ладонями.

Что ж за глупости я творю?!

Думаю о своем похитителе, устроила цирк, чтобы уйти с ним, не боюсь ни капли, хотя должна! Может, подсознательно понимаю, что он не сделает мне ничего плохого? И ведь сегодня он прямо мне об этом сказал. Если бы хотел, то сказал бы об этом прямо, чтобы наоборот, боялась. Но он успокаивает, греет, беспокоится о моем комфорте, хотя сам сейчас спит на неудобном кресле...

Да даже в той ситуации в магазине. Он ведь мог устроить представление, но предупредил меня, чтобы люди не пострадали...

Так, хватит! Пока я не знаю его истинных целей, а также кто он, что у него за дела с дядей, я буду мыслить здраво и не видеть все через призму затуманенных его очарованием очков! Обещаю себе! Ну ладно, хотя бы постараюсь...

Заснуть в новом месте после пережитых событий — тот еще ад. Рой кружащих в голове мыслей не дает сознанию уйти на жизненно необходимый ему отдых. Я кручусь из стороны в сторону, считаю мысленно баранов, но не выходит...

Лишь под самое утро, когда за окном начинает светать, я понимаю, что сон наконец находит. Плавно перетекая в сновидение, я надеюсь хотя бы там успокоить свое взвинченное сердце, но с грохотом разбиваюсь. Так же, как и тогда... десять лет назад. Когда разбилась в машине вместе с родителями...

9

Глава 2

Ночь. Тянется длинная темная дорога, потрескавшийся асфальт поблескивает в свете фар. Родители сидят впереди: отец за рулем, мама рядом. Она держит в руках телефон, что-то набирая и то и дело подгоняя отца. Их лица будто размыты, но я знаю, что это они — до скрежета в груди узнаваемые очертания. Я жду. Зажмурившись, просто жду. Ведь проживала уже! Ведь знаю, что дальше!

Удар.

Оглушительный, как раскат грома, он разбрасывает нас в стороны. Машину кидает словно игрушку. Я с криком ударяюсь головой о стекло, все вокруг дрожит, скрежещет и ломается, словно все мы сжались в гигантском кулаке. Голова трещит от боли, глаза заливаются вязкой жидкостью. Я хватаю ртом воздух и хочу закричать, но мой голос тонет в звуке погромче. Последнее, что я слышу, прежде чем все замолкает, это крик мамы. А потом — тишина.

Я с трудом открываю глаза. Резкий запах масла и бензина разъедает легкие. Куски стекла лежат вокруг меня, будто ледяные иглы, вонзившиеся в меня разом. Родители... Мои родители! Паника сковывает меня, я поворачиваю голову, пытаюсь увидеть их. Мама бездвигается, а ее лицо залито кровью. Папа тоже не двигается — его рука свисает под неестественным углом, пальцы неподвижно тянутся к дверце.

— Эй! — раздается грубый голос, от которого холодный ужас парализует мое тело. Шаги уже близко. Темные фигуры растворяются в сумраке, но я различаю блеск оружия. Кровь стынет в жилах. Я прижимаюсь к обшарпанному полу машины, стараясь не дышать, как мышь в лапах хищника.

— Блядь! Они чё, живы? — хрипло спрашивает один из них. Его напарник что-то буркает в ответ, слова теряются сквозь мой собственный бешеный пульс.

Вздрагиваю, стискивая рот рукой, когда бандиты начинают вытаскивать родителей из машины, а потом звучит два громких выстрела. Их отзвуки почти материализуются в моем сознании как остро заточенные ножи. Я вижу, как тела родителей вздрагивают от сильной отдачи, и слезы градом стекают по моим щекам, смешиваясь с липким потом и кровью, льющимися со лба.

Я зажимаю рот руками, чтобы не закричать, чтобы не выдать свое присутствие. Они не знают обо мне, они не смотрят на задние сиденья. Эти мгновения превращаются в вечность. Мои пальцы впиваются в потрескавшуюся обивку, дыхание рваное, словно я всю жизнь бежала и только сейчас остановилась. Не могу смотреть на родителей... В голове лишь их дергающиеся от выстрелов тела.

Слышу, как шаги бандитов удаляются, будто удары метронома в пустой комнате. Я осталась одна. На темном перекрестке, возле груды обломков машины и мертвых тел родителей.

Нет-нет-нет.

Качаюсь, зажимая уши, и зажимаю глаза.

Я проснусь, и все изменится! Я проснусь, и они будут живы! Я проснусь и окажусь дома! Я НЕ ОДНА! НЕ ОДНА!

— Я НЕ ОДНА! — распаиваю глаза с криком и понимаю, что мое тело дрожит словно от удара высоковольтным током. Дышать невозможно, а кожа липнет от пота. В комнате темно, но я чувствую, как кто-то держит меня, прижимая к себе. Моя голова оказывается прижата к чему-то жесткому.

Не могу отойти от ужаса и определить, что сейчас реально. Я все еще слышу отголоски выстрелов даже в этой тишине.

— Не одна, не одна, — продолжаю раскачиваться и постепенно успокаиваюсь. Глаза закрыты, дыхание восстановлено.

И только когда я окончательно прихожу в себя, распаиваю глаза и дергаюсь.

— Ты? — выдаю удивленно, потому что на моей кровати сидит тот самый Макс, который обещал спать на кресле!

— Тише, — поднимает он свои руки, и я осознаю, что он без рубашки!

Мне внезапно становится слишком жарко. Его массивная, гладкая, без единого волоска грудь, широкие плечи, изгибы мышц... Каждая линия, будто вырезанная чем-то острым, четкая и правильная.

Мне становится трудно дышать. Он проходит рукой по затылку, слегка встряхивает волосы, и от этого простого движения мне хочется отвести стыдливо взгляд, но я не могу. Он словно магнит. Горячий, опасный магнит.

— Черт, не хотел тебя пугать, но ты так кричала.

Сглатываю, чтобы наконец хоть слово выговорить.

— Сон плохой приснился, — прокашливаюсь я.

— Эй, — говорит он, чуть наклоняя голову, — с тобой все в порядке? Не хочешь поговорить?

В порядке? Нет, совсем не в порядке. Я только что очередной раз пережила аварию, в которой умерли родители, а потом поняла, что утешал при этом меня мой похититель!

— Ты... Ты лежал со мной...

— Да, — ухмыляется наглец, — и гладил тебе волосы, чтобы ты не кричала. Теперь перестанешь меня бояться? Я ведь говорил тебе... не причиню вреда. Тебе тяжело вне дома? Почему ты плакала во сне?

— Приснился ужасный момент из детства... Не хочу его вспоминать.

— Тогда не вспоминай.

— Если бы я могла это контролировать...

— Я могу посидеть с тобой, пока ты не уснешь, если хочешь, конечно. Клянусь не прикасаться.

Недолго думая, киваю и снова занимаю свое место.

— Несколько минут. А потом уходи!

— Хорошо, — хмыкает он.

Так странно, отказывается, лежать в одной кровати с ним... Но ведь я раз за разом говорю себе, что хотел бы изнасиловать - изнасиловал бы, хотел бы убить - убил. Поэтому я не руководствуюсь ни одним социальным предостережением. Я просто ложусь рядышком, стараясь лишний раз не задеть его, и закрываю глаза. А сквозь находящийся сон ощущаю нежное покалывание в районе головы от приятных прикосновений его пальцев...

10

Глава 3

— Просыпаемся! — гроыхает над ухом, а после этого в глаза ударяет яркий солнечный свет.

— Ау, — жмурюсь, открывая глаза.

Макс стоит напротив кровати, сложив руки на груди. Замечаю, что он полностью собран, а возле его ног лежит огромный рюкзак.

— Куда мы? — приподнимаюсь с кровати.

— Улетаем. Вот твои доки, не потеряй, — швыряет на кровать паспорт и еще несколько бумажек.

«Васнецова Валерия Сергеевна».

Мда.

— А тебя ж тогда как зовут? — поднимаю на него глаза и вижу, как он ухмыляется.

— Александр Владимирович Васнецов. Мы женаты.

Чуть не давлюсь слюной.

— Интересно, — иду в сторону ванны, пока Макс провожает меня небрежным взглядом. — Не помню, чтобы давала согласия.

— Чтобы давать согласие, нужно, чтобы тебя спрашивали, — серьезно заявляет он, — а тебя не спрашивают. Тебе говорят быстрее собираться. У тебя десять минут.

«У тебя десять минут», — передразниваю его у себя в мыслях, а сама думаю лишь о том, как сердце колотится в его присутствии. Еще и воспоминания прошлой ночи... Интересно, он спал со мной или ушел, как я и просила?

Через десять минут, как он и сказал, мы выходим из дома, садимся в машину, которую меняем по пути четыре раза, и приезжаем в аэропорт.

Обычный международный аэропорт.

— Давай руку, — протягивает свою большую ладонь Макс, и я с удовольствием кладу в неё свою.

Его касания такие приятные, а ладонь теплая и немного по-мужски шершавая.

Людей в аэропорту очень много, поэтому я тянусь за ним, словно маленький ребёнок за тянущими его родителями.

Решаю обхватить его руку ещё и второй рукой, чтобы было надежнее. И он не противится... Даже немного сбавляет темп.

— Потерпи ещё немного, скоро будем в самолете.

— Когда я смогу вернуться?

— Перестань. Я же сказал тебе, как только твой дядя заплатит за то, что сделал.

Больше ни о чем его не спрашиваю. Он кажется таким большим, сильным, властным, что я едва мысли в кучу собрать могу и просто делаю то, что он говорит.

Удивляюсь тому, как ему удастся скрыться от моего дяди, ведь тому уже давно должны были доложить, что меня похитили. Или... не похитили. Неужели он думает, что я сама сбегала? Только сейчас до меня доходит то, как это выглядело со стороны! Я ведь сама обманула охрану и прыгнула в чужую машину.

Господи...

Когда проходим паспортно-визовый контроль и нас спрашивают о цели визита в Италию, Макс без единой заминки выдает красивую историю нашей любви и прикрывается тем, что Италия была моей мечтой, а любимый муж с удовольствием решил воплотить ее в свадебном путешествии.

Его лучезарная улыбка с красивой ямочкой на щеке, которая, к тому же, адресована мне, окончательно меня обезоруживает. Наверное, со стороны я и вправду выгляжу влюбленной дурындой, которая не в состоянии связать и двух слов, на деле же я просто ошеломлена игрой одного актера.

Потому что то, что он так легко может устроить такой цирк влюбленного, а через минуту после прохождения контроля снова натянуть маску сосредоточенного хладнокровного робота, пугает...

Наводит на мысли о том, что я не смогу отличить его игру. Вдруг он играет со мной все то время, что рядом? Отмахиваю эти мысли, чтобы с ума не сойти от противоречивости в душе. Но однозначно теперь я чувствую себя такой, какой, наверное, и должна была быть изначально.

Испуганной.

Весь полет я либо сплю, либо смотрю в одну точку, уставившись в окно и поедая себя дурацкими мыслями. Макс что-то усердно печатает в планшете и не говорит мне и слова.

Когда наконец долетаем, и нас встречает своей пасмурной погодой город моей мечты - Рим, я немного прихожу в себя и начинаю радоваться мелочам...

В голове фантомно всплывает аромат свежей пасты, вокруг слышится мягкий шепот итальянского языка, а через окно аэропорта виднеются величественные произведения архитектуры с колоннами и балконами в готическом стиле.

Ловлю себя на мысли, что хочу сфотографировать всё вокруг: как мужчина в полосатой рубашке жестикулирует, разговаривая по телефону, как семья смеется перед выходом на улицу, и они все так стильно по-европейски одеты...

— Поторопись, — подгоняет меня Макс, хотя мы и так чуть ли не бежим.

Но не успеваю я и слова ему возразить, как меня резко подхватывают его властные требовательные руки, взмывают в воздух, и через секунду я оказываюсь прижатой к стенке уборной. Сердце грохочет от резкого наплыва адреналина, и, кажется, теперь мне становится страшно.

Макс прижимает меня своим крепким телом, давая ощутить каждую его часть. Не дышу, лишь удивленно моргаю и терпеливо жду.

— Не вздумай даже пикнуть, — предостерегающе шикает мне мужчина. Его глаза горят темной, а брови, сошедшие на переносицу, говорят лишь об одном – он не в настроении.

И, я боюсь, для меня это плохо...

11

— Что п-происходит? — голос предательски дрожит, наверное, именно поэтому Макс, чертыхнувшись, ослабляет давление и немного отходит назад, давая мне такое желанное личное пространство.

— Мне показалось, что за нами следят. Надень вот это, — протягивает мне маску, темные очки и кепку.

— Мы что, как в дорамах сейчас прятаться будем?

Макс вопросительно выгибает бровь, чем даже смешит меня.

— Ну. Дорамы. Сериалы азиатские. Там айдолы тоже так от папарацци прячутся.

— Издеваешься? — устало выдыхает он и хватает меня за руку. — Натягивай быстрее и пошли, дорамщица. И одежду смени, — толкает меня в туалетную кабинку и протягивает новый комплект одежды: темные колготки, черное вязаное платье и такого же цвета пальто с широким поясом. Прямо гангстерша.

— Так, значит, все-таки смотрел? — не оставляю его в покое, но, скорее, даже для себя. Я так успокаиваюсь, пока натягиваю одежду.

— Мне тридцать два, Ася. Как ты думаешь, у меня есть на это время и желание?

— А зря! Есть такие, что даже тебе бы понравились, — заканчиваю с переодеванием и выхожу, вперившись взглядом на его в тон моему наряд.

Весь в черном, такой красивый, элегантный. А классическое пальто — так вообще придает ему особый шарм.

— Пошли? — протягивает мне свою широкую ладонь, и я снова с трепетом ее принимаю. Конечности покалывает от прикосновений его пальцев.

Выходим из туалета как ни в чем не бывало. И пофиг, что это был женский туалет, в который мы зашли оба.

До отеля добираемся без происшествий и абсолютно молча. Неизвестность меня пугала, но не настолько, насколько начал он. Возможно, в России я этого не ощущала, потому что знала, что дядя там всем заправляет. А тут...

Так! Долой негатив. Этот человек заботился о тебе, голову тебе гладил, место на кровати уступил!

— Жить будем в одном номере. Там две комнаты. На улицу без маски и очков не выходить, а лучше вообще не выходить.

— Будто ты бы мне позволил, — фыркаю себе под нос.

— Если заслужишь доверие и захочешь прогуляться — почему бы и нет?

Недоверчиво стреляю в него взглядом.

— Но пока тебе это не светит... Пойдем, — тянет меня за собой.

Несколько дней мы проводим безвылазно в номере. Все необходимое там есть, а еду привозит три раза в день доставка.

На третий день стены откровенно начинают давить. Я прочитала все книги, которые Макс любезно мне захватил из России. Телефон мне пользоваться запрещено, а поэтому других развлечений у меня просто нет.

— Слушай, ну сколько можно? Я с ума схожу сидеть взаперти, — ною, подходя к нему, на что он хмурится, откладывая планшет.

— Видимо, я слишком тебя разбаловал. Ты тут в плену вообще-то, — ухмыляется Макс, и я уже хочу развернуться, как он протяжно взывает и резко поднимается. — Жду тебя через двадцать минут. Сам заебался сидеть в номере. Но чтобы за мной по пятам ходила. Один левый шаг, и я буду вести себя совсем по-другому, — басит мне серьезным тоном, после чего скрывается в ванной.

Будто без тебя не знаю... Обязательно каждый раз пугать?

Собираемся мы быстро. Надеваю наряд выходного дня, что предоставил мне Макс в аэропорту, и жду его на выходе, нацепив маску и очки.

Когда он выходит, я просто слеую за ним, ничего не спрашивая. Понимаю, что и так слишком многое попросила.

— Ты уже бывал здесь, в Италии?

— Нет, не те цели в жизни были.

— И прямо никогда не мечтал путешествовать?

— Об этом мечтают люди, которые не обременены серьезными проблемами, — хрипло и нехотя произносит он, пока идём к такси.

— Значит, у тебя серьезные проблемы.

— Были. Сейчас так, фигня, — искрит в разговоре, открывая передо мной дверь.

Пока такси везет нас к продиктованному Максом адресу, мы успеваем немного поболтать на совершенно отстраненные темы. Я узнаю, что Макс вырос в детском доме. И что сейчас он работает прокурором.

Не передать словами, как меня эта новость удивила и одновременно обрадовала. Не знаю почему, но осознание того, что мой дядя бандит — не пугает, а вот то, что бандитами могут быть другие — очень даже. И теперь, когда я узнаю, что он, наоборот, государственный обвинитель, человек, осуществляющий надзор в нашей стране, мне становится спокойно.

Я думаю о том, как он себя со мной ведёт, и что наверняка у него правда есть определенные вопросы к моему дяде. Поэтому... что уж там. Подожду, пока все не решится. Больно мне не делают, ничего от меня не хотят...

— Приехали, — берет меня за руку Макс, помогая выбраться из машины.

Смотрю на странное, мельтешащее разноцветными вывесками заведение и скептически оглядываю его. Какой-то гадюшник напоминает, куда идут шлюхи, чтобы работу найти.

— Может, не пойдём? — стискиваю его ладонь, пока он тянет меня ко входу.

— Это единственное место, где по всему периметру нет камер. Я изучил все заранее. Пойдём. Тут мы хотя бы маски снять сможем.

Что ж...

Внутри атмосфера клуба не лучше. Какие-то дешевые аксессуары и мебель, куча орущих мужиков и... Ооо, наверху даже есть кабинки.

Макс проводит меня в одну из них, и я отмечаю, что в кабинке не так уж и плохо. Не видно никого и не особо слышно. Видимо, стены звукоизолированы.

— Что будешь есть или пить?

— Можно любую пасту и апельсиновый сок.

— Сок? Seriously? Можем попробовать взять вино. Правда, наверняка их тут бадяжат как не в себе, но как раз не опьянеешь.

— Нет, спасибо, я не пью.

Он отставляет меню и откидывается на кресло. Я сижу напротив и плавлюсь от его пронзительного изучающего взгляда.

— Ты когда-нибудь встречалась с кем-то? — ошарашивает меня своим наглым вопросом.

12

— Что за вопросы? — прячу взгляд, но кожей ощущаю жжение от его неотрывных глаз.

— Обычные. Мы же с тобой что только не обсуждали уже за это время.

— Ну это другое.

— Я понял, не хочешь, не...

В кабинку заходит официант, и Макс принимается делать заказ.

Вместо ожидаемого бокала Макс заказывает бутылку вина мне и виски себе.

Моментально краснею, подумав о том, что это очень даже похоже на свидание...

— Нет, — произношу запоздало. Настолько, что Макс даже забывает о своем вопросе, смотря на меня недоумевающе. — Я ни с кем не встречалась. Никогда.

Он несколько секунд продолжает просто молча меня разглядывать, а потом отводит взгляд и утыкается в телефон.

— А ты? У тебя есть девушка?

— Одной никогда не было. Я далек от этого. Не верю женщинам и не вижу необходимости их постоянного нахождения рядом.

Бах! И меня простреливают насквозь.

Надумала себе, идиотка. Он взрослый мужчина. Конечно, у него полно женщин. Зачем ему я? Что он найдет в такой, как я? Что я могу дать ему такого, чего не даст другая?

— Ты задумалась...

— А какой ты видишь свою жену? Наверняка ты задумывался о браке...

— Задумывался лишь как о фикции. Иллюзорной реальности. Это могло бы помочь мне в карьере, либо ещё в какой-то области. Но чтобы желать жить с одной женщиной постоянно... — хмыкает, — нет.

Не знаю, куда себя деть. Разговор уже давно перешел все рамки дозволенного.

— А как же любовь?

В этот момент как раз заносят алкоголь. Еду все ещё готовят, поэтому Макс, не дожидаясь ее, сразу же наливает себе стакан виски и залпом осушает.

— Любовь, — жмурится он, потирая виски, — придумали такие маленькие гномики как ты. Чтобы в сказки верить. И страдать потом, когда все в реальности происходит не так, как они хотели бы.

Макс наливает ещё один стакан и снова залпом его выпивает. Кажется, я затронула одну из больных его тем, потому что после этого мы, конечно, болтаем ещё, но он отвечает очень абстрактно, уклончиво.

Очень хочется понять, что же хранится внутри этого человека, но он не пускает. Выстроил стены, и ни разбить, ни перелезть невозможно.

Когда его стакан очередной раз наполняется, я не выдерживаю. Пересаживаюсь к нему и забираю алкоголь из его рук. Он перехватывает мою руку и, сведя брови, таращится на меня, мелькая волчьим прищуром.

— Никогда больше не смей так делать, — цедит он серьезным тоном и забирает обратно стакан, но я лишь вырываюсь, снова захватывая граненый хрусталь, чтобы в следующий миг быть пригвожденной к спинке дивана и оглушенной звуком разбившегося стекла.

— Я сказал не смей так больше делать! — кричит мне в лицо, хватая за скулы.

Он что, пьян? По голосу непонятно, но вот поведение...

Мои руки дрожат, а глаза наполняются слезами. Я брыкаюсь, но он не отпускает меня. Бью его ладошками, крича о том, что не буду терпеть изменения в его настроении, и он срывается. Встаёт из-за стола и резко дергает меня на себя. Путаюсь в ногах и чуть ли не падаю, но он удерживает, пригвозждая к стене, предварительно подставив под голову ладонь.

Его лицо находится так близко, что внутренности трепещут. Его харизма сводит меня с ума. Его злость, смешанная с заботой, доводит меня до безумия. До крайней точки кипения, при которой я перестаю давать отчет своим действиям. Я просто делаю, решая подумать когда-нибудь потом.

Встав на носочки, резко целую его. Намертво прижимаюсь к желанным губам, чувствуя, как тело простреливает током. Напряженная, словно натянутая пружина, я замираю в нерешительности, не зная, что делать дальше...

13

— Головой поехала? — одергивает меня Макс, отворачиваясь и зарываясь пальцами в свои волосы. — Черт возьми...

А мне так больно становится. Думаю, большее было бы, если бы он меня ударил. Ощущение вязкой тяжести в груди вздохнуть мешает. Опускаю глаза, нервно сжимая и разжимая пальцы.

Какая же идиотка.

— Собирайся, — серьезным тоном басит он, а у меня чуть слёзы рекой лить не начинают.

— А еда?

— В отеле поедим, — так и не поворачиваясь ко мне, он надевает кепку, очки и маску и первым выходит из кабинки. Семеню за ним следом, то и дело натываясь на прохожих в баре. Он тоже замечает это, психует и берет меня за руку.

До отеля едем молча. В такси бизнес-класса он продолжает заливаться алкоголем. Интересно, как он выглядит, когда бывает пьяным? Потому что, выпив уже две бутылки виски, он выглядит таким же, каким и был до этого, за исключением лишь немного покрасневшего лица.

— Может, хватит? Ты не опьянеешь?

Он поднимает свой взбешенный взгляд и смотрит на меня как на лягушку, которую ему препарировать нужно.

— Мечтаю напиться и не думать обо всём этом дерьме. И один хуй не выходит.

Стесняюсь его откровенных выражений, а он лишь ухмыляется и снова наливает стакан.

— Будешь? — протягивает мне, а я настолько напряжена после его отказа, что беру и пью. Залпом. Обжигая нутро горючей жидкостью.

— Ужас, — морщусь и отдаю стакан обратно.

— Зато потом хорошо станет, — смотрит на меня проницательно долго, вызывая неловкость.

Отворачиваюсь, чтобы не накручивать себя еще больше.

Когда поднимаемся в номер, не могу думать ни о чем другом, как о его губах на моих. Ненароком прикасаюсь пальцами то к одной губе, то к другой, чтобы вспомнить то мгновение. Как тело покалывало, как мурашки бежали, как в носу аромат перца и амбры играл.

Почему он оттолкнул меня? Я совсем ему не нравлюсь? Я знаю, что не уродина. Многие парни ухаживали за мной в школе, так что с ним не так?

Спешно иду в ванную и принимаю душ. Хочется смыть с себя весь этот негатив. Когда выхожу, он уже ожидает у входа. Тоненький атласный халат сейчас кажется максимально неуместным. Особенно после понимания того, что как женщина я его не привлекаю.

Сникаю ещё больше и, расстроенная, огибаю его, чтобы пойти к кровати, но он ловит меня за руку.

— Ну что с тобой? К чему эта мина? — подтягивает меня к себе, опуская руки на талию. Неуместно опуская, хочу сказать!

Места соприкосновения горят адово. Да он издевается над моим сердцем!

— Отпусти, я пойду спать, — обхватываю его обвитое венами запястье и пытаюсь разорвать захват, но он лишь встряхивает меня и снова повторяет.

— Я спросил тебя! А ты обязана ответить!

Вздергиваю подбородок от наглого тона, но понять не могу, он это серьезно?

— Сначала ты отвергаешь меня, а потом спрашиваешь, что со мной? Да это с тобой что? — вываливаю на него то, что на сердце.

Он тяжело выдыхает, сжимая крепче мою талию.

— Я же говорил тебе, что не завожу отношения. Не целуюсь, не ночую с девушками. Не хожу на свидания. Не желаю всего того, что ты бы хотела испытать.

— Да с чего ты взял? — нагло вру, потому что не нравится, какой идиоткой он меня выставляет.

— Это у тебя на лбу написано. Я не хочу, чтобы остаток времени, что мы вынуждены проводить вместе, ты занималась рыданиями и самобичеванием.

— Ты слишком большого о себе мнения. Я хотела лишь поцеловаться.

Хмыкает, словно я что-то смешное сказала.

— Меня не устроит просто поцелуй.

— Я остановлю тебя, — стою на своем, пока он медленно приближает свое лицо к моему.

— Ты уверена? — шепчет возле моих губ, дразня. — Это то, чего ты хочешь? — намеренно задевает мои губы, возбуждая все нервные окончания, что только существуют.

— Да, — вылетает на выдохе, и он тут же ловит ответ своими губами.

— Я тебя предупредил...

Силой стискивая мое тело, собирает халат в своих кулаках, ближе прижимая к себе. Я настолько накалена, что голова кружится.

Мой первый поцелуй. Никогда не думала, что меня поцелуют так... Бешено, надавливая на скулы и сразу запуская язык, орудуя им у меня во рту как дома.

Он жадно всасывает каждую губу, пьет меня в сладкой тирании. А я отвечаю. Живот простреливает волной желания. Его прикосновения к талии, бедрам, лицу — обжигают и, словно дофамин, заставляют желать ещё и ещё...

Запустив пальцы в его в меру жесткие и одновременно шелковистые волосы, я тяну его еще ближе. Это заводит его ещё больше, судя по тому, как он лихорадочно облизывает меня от основания шеи и ведёт вверх, к губам, обводя их языком, который тут же мастерски сплетает с моим. Мне тяжело дышать. Тело напряжено до предела. Кажется, что вот-вот, и я просто взорвусь...

Подхватив меня под бедра, заставляет обвить его ногами. Сжимая мои ягодицы и не переставая целовать, он несет меня к кровати. Забравшись коленями на матрас, мягко опускает меня.левой рукой скользит по бедру вверх, задирая халат и сжимая ягодицы, талию, а потом и грудь.

— Ах, — вырывается у меня в его губы, на что он впечатывается пахом между моих ног.

Нашупав правой рукой пояс от халата, он развязывает его, раскидывая полы и оставляя меня перед ним лишь в трусиках.

Стеснение возникает вновь, когда он отстраняется и оглядывает меня темным взглядом. Тяну руку, чтобы прикрыть грудь, но он откидывает ее и накидывается губами на сосок.

Выгибаюсь, выкрикивая что-то нечленораздельное, ощущая взрыв по всему телу. Я чувствую его прикосновения везде. И мне всего мало. Я хочу больше, сильнее, чувственнее. Возможно, это единственный раз, когда он это со мной делает. И я планирую получить от этого максимум.

14

Ощуаю его тело на себе и не могу поверить в происходящее. Он кажется мне таким далеким, таким идеальным, что представить его на себе — сродни фантастике.

Его близость кажется невыносимо сладкой. В комнате полумрак, лишь мягкий свет ночника падает на его лицо. Его темные глаза, откровенно изучающие мое лицо и руки, блуждающие по телу, заставляют ошалело лежать, судорожно вдыхая воздух. Он специально дразнит. Задевает пальцами чувствительные точки на шее, животе, груди...

Весь мир сужается до одного человека, до одних лишь его движений.

Он был прав, когда переспрашивал меня об уверенности в том, что я хочу лишь поцелуя...

Кажется, что я умру от сердечного приступа, если он сейчас остановится.

Снова захватив мои губы своими, он приподнимает меня, стягивая шелковую ткань и отбрасывая ее в сторону. Большими ладонями очерчивает каждый мой изгиб, словно помечая территорию.

Осмелев, тоже запускаю ладони в его волосы. Тяну на себя, сходя с ума от смеси чувств.

Он прокладывает дорожку поцелуев от губ ниже, по шее, груди, ненадолго задерживаясь на сосках, к животу, который просто полыхает от возбуждения.

Отстранившись, он стягивает с себя черную футболку, обнажая бесподобный торс. Не выдерживая, протягиваю руку и веду от груди вниз, ощупывая каждый бугорок. Он закрывает глаза, откидывая голову назад, словно тоже получая от моих прикосновений удовольствие. Это придает уверенности. Поднимаюсь к нему и с безумным желанием прикасаюсь своей обнаженной грудью к его торсу.

Боже, как же это приятно... Ощущение соприкосновения его кожи с моей — что-то запредельное. И окончательно распадаюсь, когда слышу и его гортанный рык удовольствия, после чего он подхватывает меня под ягодицы и снова кладет на кровать, накрывая сверху своим телом.

Наши поцелуи перерастают из обычных в безумные. Со стороны мы, наверное, похожи на изголодавшихся зверей. И сколько бы он не целовал, мне мало. Кажется, что вот-вот все закончится, что он отстранится, и я сойду с ума...

Его властные руки сминают мою изнывающую грудь. Его язык проникает глубоко в рот. Его энергетика стирает все, что было в голове, заполняя ее лишь собой.

— Только поцелуй она хотела... — ухмыляется Макс, застыв в миллиметре от моих губ, тяжело и рвано дыша.

А мне так холодно без него становится. Невыносимо холодно. Тянусь вверх и сама его целую.

— Это так ты меня остановить собиралась? — рычит мне на ухо, после чего присасывается к коже за ним, открывая новые грани моей чувствительности.

— Не останавливайся! — жмусь к нему теснее, ощущая острое давление между своих ног.

Макс снова немного отстраняется, громко и дико дыша, словно только что пробежал километровку.

— Если сейчас же не свалишь из-под меня, не пущу. Орать, бить, плакать будешь, я не останавлиюсь. Даю тебе последний шанс.

Мне страшно от его слов. Дико страшно того, что будет после. Но ещё страшнее почувствовать его отстраненность. Нахожусь сейчас в моменте, когда мужчина, на которого я капала слюной эти дни, наконец целует меня. И я не могу упустить эту возможность.

Обвиваю его шею руками и тяну на себя. Большого приглашения ему и не нужно. Он одним рывком стягивает с меня трусики, заставляя стыдливо свести ноги.

— Раздвинь, — давит серьезным тоном, требуя повиноваться. Отвожу взгляд, чтобы не видеть его в этот интимный момент, но он дергает меня за подбородок, впиваясь в губы.

Параллельно расстегивая пряжку ремня, он спускает брюки вместе с боксерами, а потом скользит кончиками своих пальцев по моей руке и, сцепив наши пальцы, поднимает руки вверх.

— Когда-нибудь видела член? — спрашивает такие постыдные вещи, вгоняя меня в ещё большую краску.

Отрицательно машу головой, закусывая опухшие от поцелуев губы.

— Потрогай, — ведёт свою руку вместе с моей к своему торсу, а потом скользит вниз. Убирает её, когда доходим до неприличного размера выпуклости. — Обхвати его, не бойся.

Он снова целует меня. На этот раз нежно, ласково, выводя языком круги и посасывая каждую губу.

Живот горит от переполняющих чувств, а ещё я ощущаю себя очень мокрой. Неприлично мокрой. Настолько, что, кажется, подо мной даже пятно останется...

От бешеного возбуждения решаюсь наконец на то, чтобы провести ладонью ниже и взять его член в руку. Он такой толстый и длинный, но на ощупь приятный, нежный и гладкий, с витиеватыми венами по всему периметру.

— Можешь поводить по нему, — хрипло говорит он, а потом обхватывает мою руку своей и начинает показывать, как нужно двигаться.

Старательно выполняю ритмичные движения, слышу его сбившееся дыхание и получаю не меньшее удовольствие от осознания того, что ему хорошо.

За этой негой совсем не замечаю, как его рука оказывается между моих ног. Даже вскрикиваю от неожиданности, но он ловит мой испуг своими губами. Чувствовать его пальцы там, когда я такая мокрая — очень стыдно.

— Не зажимайся, я уже все увидел и почувствовал. Расслабься, — говорит Макс и проводит языком от моих грудей вверх, к шее, а потом плавно переходит к губам, превращая это в глубокий поцелуй.

Его пальцы тем временем огибают мои складки, скользят по ним, растирая влагу. Не могу сдержать удовольствия, потому что ощущения его языка во рту, а пальцев там, внизу — это просто запредельный экстаз.

Подмахиваю своими бедрами навстречу его пальцам и сильнее сжимаю основание члена. Он мычит мне в рот, а потом проникает одним пальцем в мою дырочку. Неглубоко, но от неожиданности я пугаюсь.

— Тише, ты должна привыкнуть. Иначе как я в тебя войду?

Он в меня войдет. Наверное, только сейчас до меня начинает доходить, что именно я собираюсь с ним сделать! И что именно будет находиться совсем скоро во мне!

Опускаю взгляд и смотрю на соприкосновение наших тел. Его огромный член в моих руках кажется ещё больше. Как он собирается воткнуть его в меня?

Видимо, уловив мой настрой, Макс поднимает мой подбородок и снова целует.

— Все будет хорошо, — переходит на щеку, шею, осыпая поцелуя все тело. Отчего-то хочется сделать так же. Спустившись на лопатках чуть ниже, останавливаюсь под его грудью и начинаю тоже ее целовать, иногда задействую язык.

— Блядь, — хрипит Макс, держась на локтях. — Иди сюда, — подтягивает меня рывком, поддевает мою правую ногу своей правой рукой под коленку, предоставляя себе ещё больший обзор, и начинает слегка постукивать по моей киске, чередуя с поглаживаниями и неглубокими проникновениями. Его возбужденный член давит мне в бедро, отчего пульсация между ног лишь усиливается.

Начинаю выгибаться навстречу его умелым действиям, когда ощущаю, как в животе, словно спираль, начинает закручиваться возбуждение.

Заметив это, Макс начинает похлопывать быстрее, пока я не срываюсь и не кричу во все горло от всепоглощающего меня экстаза, не чувствуя ничего, кроме ощущения эйфории, невесомости и... дикой рези и наполненности, когда одним глубоким толчком Макс вводит в меня свой член.

— Ай, — кричу, но он запечатывает мой крик своими губами.

— Ты можешь укусить меня, если тебе так станет легче, — предлагает мне свою руку, и я соглашаюсь. Стиснув ее зубами, я одновременно дико ликую от ощущения его во мне, и в то же время чувствую жжение и боль между ног.

Макс дает мне немного привыкнуть, а потом начинает постепенно двигаться. Каждое его движение отдает болью в животе, но я так счастлива от ощущения того, что это он, что строю невидимую стену в сознании и откидываю боль за неё.

Он со мной, во мне и получает удовольствие. Что ещё нужно?

Обнимаю его за спину, сильнее прижимая к себе. Он возобновляет толчки, словно прибивая меня к себе. Я ощущаю его так глубоко, как даже представить себе не могла!

Отпускаю из захвата своих зубов его руку, заметив на ней отметины.

— Тебе не больно? — отрывисто произношу я как раз на одном из его толчков.

— Не больше, чем тебе...

С каждым разом его движения становятся все быстрее и быстрее, а мои ощущения — все острее и острее. Боль уходит на далекий второстепенный план, оставляя лишь небольшое жжение и много-много удовольствия.

Постепенно я расслабляюсь. Обхватив его торс ногами, даю понять, что готова к большему, и он верно все толкует.

Оторвавшись от меня, поднимается, приподнимает меня за ягодицы, оставляя лопатками лежать на кровати, и начинает резко глубоко и быстро входить.

Ритмичные шлепки и запах секса в воздухе дурманят рассудок. Я смотрю на место соприкосновения наших тел и ощущаю, как пульсация внизу живота начинает все больше и больше ускоряться.

Вид его члена, скрывающегося во мне, возбуждает нереально сильно. Я выгибаюсь, принимая его глубоко в себя, и мгновенно улетаю, ощутив ещё один сладостный оргазм. Все ещё содрогаясь, я продолжаю чувствовать его толчки, раз за разом задевающие чувствительные точки, а потом он ускоряется, начиная вбиваться в меня с нереальной скоростью, заставляя кричать, сжимать в кулаках простыню и стонать от переполняющих чувств, когда он подключает свой палец, надавливая на пульсирующую точку выше места входа, и насильно доводит меня до третьего оргазма, после чего резко выходит и заливает своим семенем мои живот и грудь.

Инстинктивно провожу по ним рукой, размазывая по телу скользкую жидкость, на что он рычит и резко дергает меня за шею, кусая мои губы.

После бешеного поцелуя он ложится рядом, и мы оба приводим дыхание в порядок...

Единственное, о чем я действительно волнуюсь сейчас, это то, почему с момента нашей близости прошла всего минута, а я снова хочу чувствовать его в себе?

15

Глава 4

Поворачиваюсь к нему корпусом, закидывая ногу на его бедро и вырисовывая пальцем круги на его груди. Так хочется, чтобы обнял меня, но он этого не делает. Лишь дышит глубоко и рвано, а потом и вовсе скидывает с себя мои руки, встаёт и идёт в сторону ванной.

Ни слова не говорит. Ведёт себя холодно и даже в сторону мою не смотрит.

Хочется расплакаться, но я держу себя в руках. Наверное, после близости он должен отойти немного, поэтому такое поведение.

Забравшись к изголовью кровати и поджав под себя ноги, смиренно жду, пока он выйдет, изводя себя мыслями о том, как будет складываться наше общение в дальнейшем. Пальцами к губам распухшим прикасаюсь. В голове проносятся кадры нашей близости... Между ног дико печет, но я хочу ещё.

Когда решаюсь подняться на ноги, дверь ванной открывается, и Макс выходит оттуда в полотенце на бедрах.

— Ванна свободна, можешь сходить, — кивает мне холодно и идёт в свою комнату.

Чертова слеза все-таки катится из глаза, а в горле печь нещадно от обиды начинается.

Принимая душ, тру изо всех сил себя мочалкой, доводя кожу до красноты. Между ног противно пульсирует, доставляя ощутимый дискомфорт. Слёзы смешиваются с каплями воды, когда я начинаю сильнее плакать.

«А чего ты ожидала?» — прорывается внутренний голос.

Он предупреждал. Он даже переспросил, хочу ли я этого. Он ведь дал понять, что это будет просто очередной его ночью, и не более. Почему я надеялась на что-то другое? Наивно думала, что, раздвинув ноги, смогу его привлечь?

Идиотка. Настоящая тупица!

С такой силой тру руку, что на ней появляются кровоподтеки. Швыряю мочалку на пол и закрываю лицо ладонями.

С меня хватит. Пусть быстрее решает вопрос с дядей и отпускает меня!

Выхожу из душа, привожу в порядок лицо, надеваю ночную сорочку и иду спать.

Утром просыпаюсь с ужасными спазмами в животе. Встаю торопливо, немного сгибаясь пополам, и иду в сторону барной стойки.

— Доброе утро, — как ни в чем не бывало приветствует Макс, попивая себе спокойно кофе, но, как только видит моё состояние, тут же меняется в лице, — что-то болит?

— Тебя это правда волнует? — не скрываю своего настроения, на что он тяжело вздыхает и отводит взгляд.

— Я предупреждал тебя. Ты хотела этой ночи, я тебе ее дал. В чем проблема?

— Не разговаривай со мной.

— Ася, что у тебя болит? — давит повелительным тоном, делая шаг в мою сторону.

— Живот. Обезболивающее есть?

— Врач нужен? Это из-за...

— Да просто живот болит! — психую, срываясь на визг. — Таблетка есть?

— Есть, — он подходит к шкафу, достает какую-то упаковку и кладет на стол блистер.

Нервно выдавливаю таблетку и запиваю водой. Хочу поскорее уйти в спальню, чтобы не видеть этого самодовольного лица, но он останавливает меня за руку, а потом хватается пальцами за скулы.

— Сейчас ты пойдёшь умоешься и вернешься сюда в хорошем настроении. Вчерашнюю ночь забудешь как приятный сон.

Приятный? Нервный смешок срывается непроизвольно, и он это замечает.

— Не делай вид, что тебе было неприятно.

— Да уж, ты сделал всё, чтобы вчера я прочувствовала разные спектры эмоций. От счастья до грандиозного падения, — шиплю ему в лицо.

— Для твоей самооценки было бы лучше, если бы я сразу отшил тебя? — скалится он, хватая зубами мою губу и резко отпуская. — Привела себя в порядок, собралась и вышла с нормальным настроением, если хочешь продолжать общаться, как и до этого. В противном случае ты не захочешь узнать, как я веду себя, когда меня кто-то злит, ясно?

Отрываю от себя его руку и убегаю в спальню.

Козел! Какой же козел!

16

Ещё долго сижу на кровати, не зная, как себя вообще дальше вести. Стягиваю нервно пижаму и смотрю в зеркало на обнаженное тело. Шею украшают багровые следы его несдержанности, а грудь от холода стоит колом... Провожу пальцами по шее, закрывая глаза и представляя, как это делал он...

Мучительно откидываю от себя эти назойливые мысли, что вырываются из сознания, и распахиваю ресницы.

Вздрагиваю, а потом резко хватаю сорочку, прикрывая грудь, когда вижу в дверном проеме Макса.

— Выйди! — кричу с нотами истерики в охрипшем голосе.

— Я хотел узнать, как ты себя чувствуешь, — равнодушно произносит он, делая шаг ко мне, будто секунду назад не смотрел на меня обнаженную.

— Выйди, — тычу на него пальцем, а в глазах слёзы собираются. — Выйди отсюда. Ты же сам сказал забыть вчерашнюю ночь. Я забыла. Сказал, что этого не повторится? Я услышала. Значит, и видеть ты меня не имеешь права. Выйди отсюда, — цежу уже сквозь зубы.

Макс пристально смотрит на меня, словно на зверушку диковинную, а потом швыряет на одеяло какую-то резиновую штуку и с таким же холодным выражением лица выходит.

— Через полчаса мы уезжаем. Чтобы была готова. И возьми с собой абсолютно все свои вещи, — произносит через плечо, даже не повернувшись, а потом хлопает за собой дверь, заставляя вздрогнуть.

И что мне теперь делать? Я все испортила...

Сажусь на кровать и чувствую под ягодицами что-то теплое. Вспоминаю о его резиновой фигне, привстаю, чтобы ее достать, и понимаю, что это... грелка. Перекаत्याю ее в руках и слышу бульканье теплой воды внутри.

Ну что за человек? Как он может быть таким отстраненным и холодным, но при этом все равно заботливым? Ведь он это для моего живота принес...

Боже!

Откидываюсь на кровать и прикладываю грелку к животу.

И правда легче становится.

Тяжело понять мужскую логику. Возможно ли такое, что он тоже испытывает ко мне симпатию, просто не может даже себе в этом признаться? Иначе к чему все эти телодвижения?

Ночь в неудобном кресле, забота о моем психологическом состоянии, защита от большого потока людей в аэропорту, когда собой закрывал... И эта ночь... а теперь грелка...

Внутри теплится надежда. Она заряжает меня силами на ещё один день с ним наедине.

Как он и сказал, я собираю все свои вещи, одеваюсь и выхожу к нему с рюкзаком в руках.

Естественно, он забирает его из моих рук, ещё раз подтверждая все мои мысли о его поступках, так разнящихся со словами.

Ну что ж, мистер ледяной прокурор, посмотрим, к чему это всё нас может привести.

Понимаю, что смущение, витающее между нами, не прекратится, если я не сооружу толстую стену в своей голове. Поэтому я первая иду на контакт, несмотря на дрожащие от нервов пальцы, спрятанные в карман моей черной толстовки. Чувствую, это европейское турне я проведу так, словно сбежала из фильма «Уэнздей» — вся в черном.

— Куда мы на этот раз? — спрашиваю, пока идём к такси.

— Понервирую твоего дядю, а потом можно и домой, — он открывает мне дверь машины, берет за руку и помогает сесть.

Пальцы колет от прикосновения к его большой теплой ладони, которой он ночью...

Ох.

Почему, когда я пытаюсь выкинуть из головы те непотребства, что он со мной делал, ничего не выходит?!

Макс садится рядом и снова утыкается в планшет, а до меня только сейчас доходит смысл сказанных им слов.

— Что ты сказал? Ты скоропустишь меня?

Наверное, минорный тон моего голоса звучит слишком странно в нашей ситуации, поэтому он лишь выгибает бровь и ухмыляется.

— Тебе так понравилось со мной, что домой не хочешь, ко-тё-нок? — с сарказмом произносит он, прямо брызжа высокомерием.

И то, как он произносит «котёнок»... Ведь дядя всегда меня так называет. Но делает это с любовью, заботой и лаской, а не так, как он... снисходительно, издевательски, насмешливо...

— Котёнок? — издаю короткий нервный смешок. — Меня дядя так называет, поэтому не смей раскрашивать это слово в свои насмешки. Не думаю, что я этого заслужила.

— Ты слишком эмоциональна, — откидывается на сиденье и смотрит словно сквозь меня. — Видишь того, чего нет. И не собирался тебя задевать, просто ты так... расстроилась, когда я заговорил о доме.

— Это тебе показалось. Разве мне с тобой хорошо, чтобы я расстраивалась перспективе возвращения? — поднимаю голову и вижу его растерянный взгляд.

— Ты права, — ледяным тоном цедит он, а потом возвращается к планшету. — Не думаю, что это прозвище тебе подходит. На пиявку больше похожа.

Замираю, не зная, что и сказать на это... Пиявку? Черного слизняка, что кровь сосет? Он издевается?

С трудом сглатываю вылетевшее из его губ оскорбление и отворачиваюсь к окну. Сильно зажмуриваю глаза, чтобы не расплакаться, а потом... разворачиваюсь и со всей злобой, что кипит внутри от его идиотского поведения, говорю:

— Мой дядя свою жену тоже бесенком называет. Но я-то знаю, что из-за того, что любит сильно, а ты? Неужто настолько понравилась, что ты, словно маленький ребёнок в детском саду, вместо нормального общения «за косы тянешь»? Меня не прикалывает.

Его глаза мгновенно темнеют, превращаясь из голубых в цвет бушующего океана. Вздвигаю, когда он резко дергает меня на себя, а потом обхватывает пятерней скулы, сильно сжимая.

— Что ты сказала? — произносит отточено, слово ножи метает, при этом шуря взгляд, отчего холодок по коже пробегает. — Радмир что делает? Любит ее? Беслану?

Остекленело смотрю на него и понять не могу, что происходит с его настроением и почему эта информация так его задела.

— Любит, — бубню сквозь сжатые губы уже не так героически, как до этого, но и этого хватает, чтобы увидеть Макса, которого он всегда прятал. Которого все это время грозился показать, но не делал. Которого я больше никогда не хотела бы видеть!

17

— Ты, блядь, что вообще знаешь о любви? Маленькая капризная девчонка, которая нарисовала в голове розовых единорогов и теперь думает, что если люди трахаются, то любят обязательно друг друга! — зло шипит мне прямо на ухо, сдавливая щеки все сильнее и сильнее. — Может, ты считаешь, что после вчерашней ночи я теперь тоже тебя люблю? — смотрит мне в глаза, а когда я молчу, чертыхается, отшвыривая меня на сидение и утыкаясь лбом в свой кулак. — Бля-я-я, — истерично смеется он, — я впервые пожалел, что трахнул девку.

Сколько бы ни пыталась себя сдерживать, слёзы рванули градом. Каждое его слово раз за разом вонзало в меня острые ножи, пробивающие насквозь... правдой.

Именно правдой!

Я идиотка.

— Хватит ныть, — обращается ко мне серьезнее спустя несколько минут. Оглядывается на таксиста, который явно нас не понимает, но из-за моих слез странно косится. — Ты привлекаешь нехуевое внимание своими манипулятивными истериками, уgomонилась быстро и в руки себя взяла!

Манипулятивными? Он думает, что я сейчас специально в лужу растекаюсь, несмотря на свою гордость?

— Ты вообще в курсе, что после того, как людей обижают, они могут плакать? Или в твоём ледяном царстве такого не бывает?

Голос дрожит, но я стараюсь контролировать хотя бы его звучание, не допуская писка. А ведь так хочется разораться своим сопрано, чтоб ушные перепонки полопались! Чтоб не слышать больше оскорблений и слов обидных!

— На правду не обижаются, Ася. Тебе нужно повзрослеть.

Отворачиваюсь от него и всю дорогу больше не говорю ни слова, потихоньку успокаиваясь.

На середине пути он ткнул в меня упаковкой бумажных салфеток, предотвращая хлюпанье носом, а чуть позже поделился круассаном с миндалем.

Так и общаемся. Он продолжает раздражающе обо мне заботиться, хотя и не признает этого. А я, как настоящая идиотка, лишь принимаю все то, что он мне дает, периодически мысленно избивая свою больную фантазию, кричащую о том, что «просто так» он делать этого не будет.

Будет! И делает!

Когда приезжаем к какому-то захудалому домишке на окраине Рима, я жду, пока Макс расплатится с таксистом, а потом мы вместе заходим внутрь.

— Не делай ничего, мы тут ненадолго. Снимай маску и очки и иди погуляй на улице.

— Зачем?

Он лишь выстрелил в меня недовольным взглядом, приказывающим делать то, что велено, и не болтать под руку.

Выхожу, не говоря ни слова. Стягиваю с лица маску, как он и сказал, и глубоко вдыхаю свежий прохладный воздух.

Через минут пять Макс возвращается, кидая мне пустой рюкзак.

— Думаю, с этим ты справишься.

— Где мои вещи? — спрашиваю чисто механически, но он просто игнорирует меня.

Ну ок, не хочешь говорить, сама посмотрю. Жду, когда он отворачивается, а потом рывком забегая в дом.

И стекленею...

Моя одежда... Она везде: бюстгальтер висит на люстре, кофты, майки, брюки раскиданы по комнате, недвусмысленно намекая на то, что здесь происходило. Но самое впечатляющее было на стене...

Мои трусики и красная надпись, предположительно сделанная моей же помадой...

18

Глава 5

Ася

«Ты опоздал. И для этого мне даже жениться на ней не пришлось».

БАМ!

Это звук моего разбитого сердца, упавшего на дешевый кафель этого захудалого коридорчика, в дверях которого я и застываю.

— Иди сюда, — разворачивает меня Макс, прижимая к своей груди, не давая смотреть на это безобразие.

Но суть в том, что я и с первого раза все прекрасно разглядела. Каждый гребанный виток его красивого почерка! Каждая деталь! Каждый предмет одежды!

Я всхлипываю то ли от слез, то ли от нехватки воздуха из-за заполнившего сознание его запаха.

— Отпусти! — бью его ладошками, но это сродни тому, чтобы айсберг голыми руками передвинуть. Тяжело и дико холодно.

— Я все тебе объясню. Прекрати истерику, — шепчет мне на ухо, но я не поддаюсь. Вырываюсь из хватки, наступаю ему на ноги, выгибаю шею, чтобы поймать его бессовестный взгляд.

— Ты опозорил меня!

— Скажешь потом, что это была манипуляция, и все!

— Ты бессовестный! Бессердечный! — вырываю руку, а потом резко бью хлесткую пощечину.

И тут же жалею.

Отступаю на шаг, и сердце вырывающееся сдержать пытаюсь от страха, когда вижу, как он заводится мгновенно. Только лишь пар из ушей и ноздрей не идёт, а так все его тело говорит о бешенстве: ноздри дико вздуваются, мышцы словно в два раза увеличиваются, его дыхание становится рваным, тяжелым, а взгляд волчий, умерщвляющий.

Рывок, и он хватает меня сзади за шею и большими шагами направляет к машине.

Не противлюсь. Бегу, повинаясь своей судьбе, потому что в какой-то миг реально страшно становится. Я совсем не знаю этого человека. Сначала он кажется порядочным, заботливым, а потом вываливает такое, что после приема рвать тянет.

Открыв дверь припаркованной к дому машины, он кидает меня на заднее сиденье, захлопывает дверь, а сам садится за руль.

Даже не спрашиваю, куда мы на этот раз. Почему-то желание разговаривать после случившегося абсолютно отсутствует.

Макс садится за руль машины и, кажется, едет со скоростью света, потому что в груди глухота образуется от замершего от страха сердца. Боюсь дико, но и слова сказать не могу. Обида глушит все порывы. Как я могла с первого взгляда влюбиться с такого человека?

Внешность порою очень обманчива. Особенно если человек как-то связан с криминалом. И пусть он по обратную сторону от моего дяди, методы у них абсолютно схожи.

Когда минуем несколько крутых поворотов, Макс резко останавливается, меняет машину, после чего мы едем ещё часа четыре. По дороге пересаживаемся с ещё двух машин, а потом в такси, которое везет нас до почти такого же маленького домика, в котором мы были изначально.

— Приехали, — тянет меня за собой, но я вырываю руку.

— Когда это закончится? — складываю руки на груди. Психологи говорят, что это защитная реакция организма, психики, однако едва ли это спасет меня от его гипнотического взгляда, что до сих пор манит, и его ужасных поступков, которые врезались глубоко в памяти.

— Когда я скажу, — цедит недовольно, хватая меня за локоть.

— Незачем так обращаться, сама пойду! — скидываю его руку, на что он хмыкает.

— Видимо, тебе нравится такое обращение. По-хорошему ты просто не понимаешь!

— Себя воспитай! Видимо, родители с тобой особо не заморачивались.

Говорю это и продолжаю идти вперёд, однако резко образовавшаяся тишина за спиной заставила остановиться.

Пальцы начинают дрожать, а в горле ком появляется. Не решаюсь обернуться, но этого и не требуется.

— Какая же ты сука, — перехватывает меня за ноги Макс и закидывает себе на плечо.

— Сейчас покажешь мне, как тебя дома воспитывали, — цедит он взбешенно, а я даже понять не могу, что сделала не так.

Но одно знаю точно... Милым он больше не будет.

19

— Пусти, ты совсем с ума сошел! — стучу по его спине, и он небрежно швыряет меня на кровать, а потом нависает следом, хватая за горло.

— Ты совсем уже берега попутала. Я, видимо, дохуя хорошо с тобой обращался, что ты забывать начала, зачем тут вообще. Рот держи закрытым и делай то, что велено, — кричит мне на ухо так громко, что слёзы невольно градом литься начинают. — Ещё раз я услышу от тебя какую-нибудь хуйню, накажу. Поняла?!

Нервно киваю, начиная истерично заикаться, и он откидывает мою голову в сторону, а сам встаёт и уходит.

Подбираю колени, не в силах выдерживать этих эмоциональных качелей. Хочется просто оказаться дома и забыть все как страшный сон.

Несколько дней проходят по одному сценарию. Я сижу в своей комнате, Макс заходит лишь изредка, чтобы спросить, как у меня дела, и принести еды.

И лишь на пятый день я, устав быть забитой в углу пылью, выхожу из своего убежища в маленькую гостиную. Кроме телевизора, дивана с креслом и красного старинного ковра там больше ничего нет. Точнее... есть. Но не что, а кто...

Макс. Он спит, растянувшись на диване. Одна его рука свисает на пол под выворот.

Я идиотка, если переживаю о том, что, когда он проснется, она будет затекшей?

Наверное, да, потому что, поддавшись какому-то дурацкому порыву, я сажусь на цыпочки возле него и тянусь к его руке, но моя ладонь замирает, когда он начинает разговаривать...

— Пустите! Отпустите! Нет! Не смейте ее трогать, бейте меня! Она же маленькая девочка, хватит! — бредит он, дергаясь во сне.

На совершенно неведомых мне инстинктах я обхватываю ладонями его лицо и начинаю успокаивать.

— Все хорошо, Макс! Проснись, эй! Все в порядке! — глажу его я, пока он жмурится под моими руками, словно боль испытывает, а потом резко распахивает глаза и, нервно дыша, подтягивает меня к себе и обнимает.

— Все хорошо, — шепчет он, утыкаясь носом мне в шею. — Все будет хорошо, Слава!

Тук-тук, дзынь, колюп, бах! И сердца нет.

— Слава? — дрожаще произношу, роняя руки, секунду назад обнимавшие его большие плечи.

Макс отстраняется, промаргивается и, видимо, все же узнав меня, снова меняет маску на ледяную.

— Расскажи мне, — прошу его, принудительно задерживая взгляд на себе, развернув кончиками пальцев его лицо.

— Ложись спать, — произносит устало, но разве я не натерпелась от него грубостей? Натерпелась. А, как говорить, чем больше терпишь, тем больше иммунитета?

Чушь, конечно, но я цепляюсь за любую крохотную возможность, чтобы понять этого мужчину. Для меня он сейчас как закрытая ракушка, которую я колупаю ножом при всех рисках того, что мне может прилететь в лоб, но с невероятной верой в то, что внутри меня обязательно ждет что-то драгоценное.

— Нет, я побуду с тобой, — забираюсь к нему на диван, и, видимо, он ещё не до конца пришел в себя, потому что, вместо того чтобы прогнать, он двигается и подставляет мне свою руку.

Ложусь боком и крепко обнимаю его.

 Радмир и Беслана ждут вас в романе «Дерзкая для бандита»

<https://litnet.com/shrt/SYqW>

20

Его сердце отдает ритмичными постукиваниями прямо в мою голову.

Не знаю, как начать разговор, поэтому молчу и просто считаю его вдохи.

— Спрашивай, — разрушает стеклянную тишину своим чарующим тембром.

— А ты ответишь?

— Сейчас — да.

— Кто она? Слава... — произношу несмело, глядя на его идеально очерченную грудь. Так и хочется провести ладонью и снова ощутить на пальцах это вибрирующее ощущение, которое возникает лишь от прикосновений к нему.

— Девочка из детского дома, в котором я рос, — говорит совершенно холодно, а у меня все внутренности скручивает.

Детского дома?!

То есть когда я сказала о том, что его не воспитали родители...

Идиотка!

Не решаюсь поднять голову, лишь лежу, застыв, и одним лишь дыханием выдаю свое напряжение.

— Прости...

— Ты не знала. И я был очень груб.

— Ты правда был груб, но я не должна была такого говорить... — все же приподнимаю голову и ловлю его взгляд. Он смотрит устало, без того ледяного слоя во взгляде, что обычно бывает.

— Я вспыльчивый, Ася. Просто стараюсь держать себя в руках. А ты сказала то, что знатно триггернуло.

— Прости...

— Уже, — отвечает ровно, а сам на губы мои смотрит.

Мне же это не кажется? Он же правда смотрит потемневшим взглядом на мои губы???

— Почему, — голос хрипит от внезапно нахлынувшего возбуждения, — ты кричал, чтобы ее не трогали?

Макс переводит взгляд с моих губ на глаза, а потом говорит то, от чего мои руки начинают неконтролируемо трястись.

— Она была моей подругой. До того момента, пока не понравилась одному местному блатному. Он предложил ей встречаться, она отказалась. В итоге ушлепок посчитал, что она отказала ему из-за меня, и решил наказать...

Макс замолкает, прокашливаясь и глубоко выдыхая.

— Пока его друзья держали меня, он избивал ее, а потом...

Руки Макса с силой сжимаются, он начинает рвано дышать и давить на глазницы.

— Черт... — хрипит он, и я приподнимаюсь, чтобы обнять его.

Конечно, я и без слов поняла, что с ней сделали...

— Что было после? — спрашиваю, прижимая его голову к своей груди и поглаживая мягкие волосы. До тех пор, пока не слышу следующие его слова...

— А потом... я убил его, — меняет мгновенно свой тон, делая его каким-то зловещим.

Мурашки бегут по коже, и я инстинктивно отстраняюсь.

— З-зачем? — начинаю заикаться от нервов, а он смеется и откидывает голову.

— Ещё спрашивает... Я бы ещё сто раз такое сделал, если бы возможность была. Разве твой дядя не делает то же самое? Чего ты удивляешься?

— Мой дядя... Он всегда такой был. Его растили для этого.

— Ну а меня жизнь таким сделала. После этого случая меня нашел Эдуард. Отец Бесланы.

— Бесланы? — непонимающе смотрю на него, не сумев связать дважды два. — Жены дяди?

— Она должна была стать моей женой. Если бы твой «дядя», — намеренно выделяет последнее слово, — не подорвал здание посольства и не забрал ее.

Если его откровение о том, что он убил человека, я ещё могла принять с достоинством, то новость о том, что он должен был жениться на Беслане, выбивает почву из-под ног. Снова эта морось на лице появляется. Снова эти эмоции не желают контролироваться.

Я сдерживаю комок в горле, чтобы не выдать себя, и через силу выдавливаю слова:

— Ты... любишь ее? Поэтому украл меня?

21

— Люблю? — кажется, даже искренне удивляется он, а потом откидывает голову на подушку и смеётся, словно обезумел. — Смешная какая... — резко поднимает голову и смотрит на меня своими ледяными, совершенно серьезными глазами. — Я никого не люблю. Никогда не любил и не люблю.

Кажется, последнее предложение было сказано исключительно, чтобы забить мне кол в сердце.

Он не глупый. Все видит. И моё отношение к нему, и вспыхнувшую ревность, и глупые надежды, которые он решил на корню обрубить.

— Ты же не серьезно?

— Тебе хочется так думать? Ты что, влюбила? — в лоб спрашивает он, пока я не знаю, куда себя деть.

Удивительно, как хладнокровно он задает этот вопрос, когда я лежу у него на груди.

— Не отвечай, — пресекает мою попытку высказаться, — не хочу знать этого. Даже если что-то есть, ты выкинешь это из головы, поняла меня? — режет сталью в голосе.

Молчу, остолбенев от такого вопроса. Но он, видимо, трактует это по-своему, из-за чего мгновенно звереет.

— Ты поняла меня? — рычит, хватая меня за лицо, повышая тон голоса.

— Ничего такого нет, — стараюсь не расплакаться у него на глазах, но максимум, на что меня хватает, это оттолкнуть его руку, встать и убежать в свою комнату, где я утыкаюсь лицом в подушку и кричу о всем том, что происходит внутри и никак не хочет контролироваться.

Вечером он снова заходит ко мне. Задерживает взгляд на опухших глазах дольше положенного, но ничего не говорит. Словно робот: во взгляде нет и доли сочувствия. Ему все равно на моё состояние.

— Завтра ты возвращаешься домой, — произносит будничным тоном, словно это не означает нечто такое, что разделит мою жизнь на «до» и «после».

— Ты рад этому, — не спрашиваю, констатирую.

— Рад, — даже не отрицает.

Прячу от него глаза и жду, когда наконец уйдет, но он этого не делает. Подходит ко мне, садится на край кровати и двумя пальцами поворачивает к себе моё лицо.

— Почему ты плачешь? Разве я сделал тебе больно? Или того, чего ты бы не хотела? Почему ты, блядь, плачешь? — сначала его голос кажется сдержанным, а вопросы заботливыми, но к концу я понимаю, что его просто раздражают мои слёзы.

Господи, хочется упасть на пол и истерично смеяться. Этот мужчина сводит меня с ума! Во всех смыслах!

— Потому что устала быть тут.

Он цокает и резко тянет меня на себя, заключая запястье в капкан своих рук.

— Я ощущаю твой пульс. Ты врешь.

— Чего тебе нужно? Завтра вернешь меня дяде, вы все решите, чего от меня еще надо? — психую, вырываюсь из его рук, но он не позволяет.

— Я предпочитаю вернуть тебя со свежим выражением лица, а не моросью на нем. Там будет уважаемый человек, ты должна выглядеть здоровой. И за час я завтра этого не добьюсь, тебе нужно успокоиться сегодня.

— Не тронь меня, — отпихиваю его руку, но он держит. — Не тронь, говорю! — бью его, впадая в истерику. — Никогда больше не прикасайся! Не имеешь права! Хватит! — истерика разрастается до небывалых размеров, когда я уже трясусь от нервов.

Макс протяжно дует воздух через согнутые в трубочку губы, а потом отпускает меня и поднимается с кровати.

— Вставай, — звучит резкий приказ.

— Отвали, — кидаю в него подушку.

— Я повторю ещё раз, — нервно кидает ее прямо в моё лицо, — и следующий раз тебе точно не понравится. Встань и умойся.

Кровь внутри бурлит от его отвратительного отношения и резкой смены настроения. Хочется выцарапать ему его красивые глаза! И почему-то именно в этот момент я абсолютно точно не могу сделать то, что он мне говорит.

Слишком больно, слишком обидно.

— А я повторяю — отвал... — но не успеваю даже фразу докричать, как оказываюсь жестким рывком стянута с кровати.

И нет, не к нему на руки. Он стягивает меня так, что я падаю на колени прямо ему под ноги.

Воздух выбивает из груди, так как я не ожидаю ничего подобного. Никогда ещё он не вел себя так со мной. Упираюсь ладонями о холодный пол. Голова кружится, волосы прилипают к лицу, а в груди – мешанина паники, страха и... отчаяния? Зачем он это делает?

Я поднимаю взгляд. Его глаза – тёмные, пылающие, холодные – смотрят на меня с пренебрежением сверху вниз. Сердце пропускает удар. Кажется, я хочу что-то сказать, но слова застревают в горле как ледяной ком. Истерика сменяется страхом.

— Я же предупреждал тебя, — рычит, морща верхнюю губу, а после этого хватает меня за руку. Его пальцы крепкие, уверенные, а хватка мертвецкая.

— Пусти! — вырываюсь и кричу сквозь слёзы, но он не слышит, протаскивая меня через все комнату до ванной. Я сопротивляюсь, спотыкаюсь, падаю, не успевая встать, но он все равно тащит. Мычу, вырываюсь, но все тщетно. Куда мне тягаться с его силой?

Всё это как вихрь, как нескончаемый шум в моей голове. Я не понимаю, что происходит, пока внезапно не чувствую ледяную воду, которая обрушивается на меня сверху как внезапный шторм.

Холод пронизывает до самых костей, как тысячи крошечных иголок. Я кричу – не знаю, от чего громче: от неожиданности, боли или эмоций, которые хлещут сильнее воды. Сердце бешено колотится в груди. Казалось бы, этот лед должен был погасить всё, что горело внутри, но вместо этого он смешивает то, что я чувствую, в одну дикую, неукротимую бурю.

Когда я открываю глаза, залитые слезами и водой, его уже нет. Он просто оставил меня здесь. Моё тело дрожит. Мне хочется одновременно закричать и опуститься на пол, свернуться в клубок, заболеть и сдохнуть.

Ненавижу его!

22

Глава 6

Макс

За эту неделю я думал, что окончательно ебанусь. Девка бандита оказалась той ещё головной болью. Да, красивая. Да, сексуальная. Но, сука, ее мечтательность и постоянные истерики меня выбешивают до состояния тошноты.

Трахнуть ее было худшей идеей, о которой я миллион раз пожалел. Сука...

Ее гадкий язык, невинно хлопающие глаза и писклявый голос дико раздражают. Она сама меня дико раздражает! Ее слишком много, она слишком сильно требует внимания, а это не то, что я собирался с ней делать.

Сижу в кресле, успокаивая дыхание. Бешусь, вспоминая ее вчерашние слёзы, сопли, но больше всего на себя злюсь, блядь!

Протащил девчонку через всю комнату, чтобы остыла, а она ещё большую истерику закатила и свернулась под ледяной водой, словно кошка бездомная.

Принципиально не вытащил ее оттуда. Сама вышла как миленькая, когда околела окончательно.

Где-то глубоко внутри жрет червяк, нашептывая, что девка могла заболеть, но, блядь! Я и так старался вести себя с ней аккуратно. Не понимают они хорошего. Ни она, ни ее благодетельный родственничек.

Когда звонит телефон, я уже наготове.

— Здравствуй, Эдуард, — приветствую единственного человека, которого уважаю в своей жизни.

— Макс, обмен будет через час, координаты скидываю. Мы должны забрать мою дочь, — в его голосе сочится истерика. Это последнее, что я хотел бы от него слышать. Человек, который вытащил меня со дна колодца, заслуживает быть счастливым.

Я даже на дочери его хотел жениться, только бы как-то отплатить ему... Но, сука, этот ебанный Темнов. Шавка бандитская. Сам никуя не делает, только псов своих и может отправлять.

Но ничего... на последней встрече я вдоволь накормил их своей последней разработкой — кислота, выедающая кожу за несколько секунд. Вот что бывает с людьми, которые прокрадываются ко мне в ванную, чтобы убить, словно шакалы — мучения до конца их ебаной жизни.

Накидываю на себя черную куртку, натягиваю берцы, кепку, вооружаюсь до зубов и нехотя иду в комнату Аси.

При всем моем нежелании, мне нужно с ней поговорить. Сегодня последний день, когда я ее вижу.

— Готова? — спрашиваю сухо, чтобы она и в голосе ненароком не увидела мою к ней заинтересованность.

Я не дебил. Вижу, как она на меня смотрит. И даже пытался понять почему. Но никуя. В душе дыра сквозная, нет чувств, нет эмоцией. Иногда кажется, что и жизни во мне тоже нет...

И для ее же блага будет увидеть во мне истинного меня, а не смотреть сквозь розовые очки, которые рано или поздно я все равно разобью стеклами внутрь. Будет больно. Больнее, чем сейчас.

— Да, — обессиленно отвечает она, уставившись в одну точку на стене. Вижу, что надела свой черный наряд: облегающие брюки, кожаные ботинки, худи, куртку и кепку. — Это же больше не нужно? — кивает на маску и очки.

— Нет. Пойдём, — протягиваю ей ладонь, но она продолжает сидеть на кровати, смотря на меня снизу вверх дико устало.

— На перемены в твоём настроении у меня аллергия, — бросает нагло.

Если бы это были перемены... Просто иногда приходится вести себя не как конченная мразь с девочками, которые этого не заслуживают.

Страшно представить, как я бы себя вел, если бы она заслужила...

— Аллергия у тебя на орехи. А на перемены в моём настроении у тебя не аллергия, а слабость. Сердечко прыгает?

— Издеваешься? — в том же тоне возражает она.

— Шучу.

— Никогда больше не шути. Не твоё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.